

Крымский прецедент: конституционно-правовое осмысление¹

Владимир Кряжков

В статье анализируются конституционно-правовые вопросы, актуализированные крымскими событиями. В этом контексте осмысливается право народов на самоопределение, использование Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации, роль Конституционного Суда РФ при включении Республики Крым в состав России, а также государственно-правовое обустройство крымских татар в Российской Федерации.

→ *Право народов на самоопределение; использование Вооруженных Сил РФ; Конституционный Суд РФ; статус крымско-татарского народа в России*

Самоопределение крымского сообщества и последующие решения, связанные с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым, бывшей автономной республики в составе Украины, — прецедент, который «встряхнул» международное сообщество и российское государство. Он во всех своих проявлениях, можно предположить, будет служить примером для аналогичных действий и решений в подобных ситуациях. Нельзя не согласиться с М. А. Красновым, который в данном контексте отмечает: в сегодняшнем мире все — бумеранг².

Это событие имеет различные измерения, в том числе и конституционно-правовое. Оно затронуло многие конституционные вопросы и доктрины, создало предпосылки для дискуссий.

Не претендуя на полный охват всех конституционно-правовых аспектов, порожденных крымскими событиями, остановимся лишь на тех из них, которые привлекли особое внимание общественности.

Право народов на самоопределение

Право народов на самоопределение — ключевое положение, на основе которого генерировался процесс отделения Крымской Автономной Республики от Украины и вхождения дан-

ной части украинской территории в состав Российской Федерации. Это право применительно к данному случаю обосновывалось в Обращении Президента РФ — его выступлении 18 марта 2014 года перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества³, непосредственно признавалось и подтверждалось Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 года⁴ и опосредованно — Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 года № 6-П⁵, которым названный Договор был признан соответствующим Конституции РФ. Легитимность реализации указанного права придавалась также:

— Указом Президента РФ от 17 марта 2014 года № 147 «О признании Республики Крым»⁶, которым с учетом волеизъявления народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 года, Республика Крым признавалась в качестве суверенного и независимого государства;

— Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 года «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и

образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя»⁷, в котором в качестве основания принятия в Российскую Федерацию Республики Крым, помимо упомянутого Договора, были названы: результаты общекрымского референдума, проведенного 16 марта 2014 года в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, на котором был поддержан вопрос о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации; Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя; предложение Республики Крым и города с особым статусом Севастополя о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым, включая город с особым статусом Севастополь.

При этом особенности реализации права народов на самоопределение в рассматриваемой ситуации состояли в том, что крымское сообщество и Автономная Республика Крым как образование, выражающее интересы данного сообщества:

— позиционировали себя как народ, не связанный с украинским народом, и непосредственно руководствовались нормами Устава ООН (ч. 2 ст. 1) и международных пактов 1966 года об экономических, социальных и культурных правах (ч. 1 ст. 1) и о гражданских и политических правах (ч. 1 ст. 1)⁸, согласно которым «все народы имеют право на самоопределение», и в силу этого права народы «свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Однако данные положения применялись без учета, например, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года⁹, согласно которой признание принципов равноправия и самоопределения народов «не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению целостности или политического единства суверенных и независимых государств»;

— игнорировали установления Конституции Украины¹⁰ о том, что: суверенитет Украи-

ны распространяется на всю ее территорию (ст. 2); допускается только всеукраинский референдум, исключительно которым решаются вопросы об изменении территории Украины (ст. 72, 73); Автономная Республика Крым — неотъемлемая часть Украины (ст. 134)¹¹;

— особым образом использовали референдум для выражения своей воли (без законодательного определения порядка его проведения, неоднократном изменении дат и вопросов, выносимых на голосование), не принимая во внимание решения судов и других органов центральной власти, блокирующих данную инициативу, не вступая в какие-либо переговоры с ними по вопросам референдума и его итогам¹²;

— не пытались учесть мнение различных групп населения (например, крымских татар), затрудняли работу СМИ.

Возможно, такой несколько упрощенный подход к праву на самоопределение (когда любые действия, процедуры и решения признаются как вполне приемлемые для выражения позиции самоопределяющегося сообщества¹³) способствовал тому, что результаты волеизъявления и последующие решения Республики Крым и Российской Федерации не нашли поддержки у мирового сообщества¹⁴. В перспективе подобное может стать основанием для оспаривания Украиной в международном суде возвращения Крыма в состав России и (или) истребования компенсации за присвоение украинской собственности в Крыму¹⁵.

Для сравнения отметим, что Конституция РФ рассматривает самоопределение народов как общепризнанный принцип (преамбула), одну из основ федеративного устройства Российской Федерации (ч. 3 ст. 5). При этом самоопределение народов допускается только в Российской Федерации, то есть исключаются такие его формы (они названы в упомянутой Декларации от 24 октября 1970 года), как создание суверенного независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним.

В содержательном плане право народов на самоопределение в Российской Федерации раскрывается в некоторых постановлениях Конституционного Суда РФ. В частности, в Постановлении от 13 марта 1992 года № 3-П (по делу о проверке конституционности ряда

правовых актов, принятых в Республике Татарстан)¹⁶, Конституционный Суд установил:

— Республика Татарстан имеет право на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе, поскольку это право производно от права народа на самоопределение, которое может осуществляться в различных национально-государственных и национально-культурных формах. Однако реализация данного права посредством законного волеизъявления должна сопрягаться с уважением прав и свобод других (в противном случае будет иметь место не осуществление права, а злоупотребление правом), не подрывать единства государства и национального единства;

— Республика Татарстан, являясь частью России и находясь с ней в государственно-правовых отношениях, не вправе в нарушение Конституции РФ в одностороннем порядке решать вопрос о своем государственно-правовом статусе. Единственно правомерным и справедливым в сложившейся ситуации средством решения данной проблемы следует считать основанный на законе переговорный процесс, участниками которого должны стать все заинтересованные субъекты федерации¹⁷.

В последующем, дополняя приведенные правовые позиции, Конституционный Суд признал:

— допустимость для защиты национального единства и территориальной целостности государства использование Вооруженных Сил РФ (Постановление от 31 июля 1995 года № 10-П¹⁸);

— неделимость государственного суверенитета Российской Федерации, связанность конституционно-правового статуса и полномочий Российской Федерации и республик, находящихся в ее составе, не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального российского народа — носителя и единственного источника власти в Российской Федерации, который, реализуя принцип равноправия и самоопределения народов, конституировал возрожденную суверенную государственность России как исторически сложившееся государственное единство в ее настоящем федеративном устройстве (Постановление от 7 июня 2000 года № 10-П¹⁹).

В связи с приведенными положениями возникают два вопроса:

— формулируемое конституционно-правовое понимание права народов на самоопределение — установки «для внутреннего пользования» или Российская Федерация в целях укрепления собственной государственности должна следовать им и в отношениях с другими государствами?

— означает ли признание Российской Федерацией результатов состоявшегося волеизъявления крымского сообщества и с его учетом — принятие Республики Крым в Российскую Федерацию, что Россия пересмотрела (намерена пересматривать) сложившиеся конституционно-правовые представления и нормы, касающиеся права народов на самоопределение, понимание форм и процедур его осуществления?

Использование Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации

Реализация крымским сообществом права на самоопределение происходила при участии Вооруженных Сил РФ, хотя это несколько маскировалось. Данный факт высветил конституционно-правовую проблему использования Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации.

Конституция РФ относит решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации к ведению Совета Федерации (п. «г» ч. 1 ст. 102). При этом Конституция не содержит каких-либо иных положений, в том числе относительно субъектов, наделенных правом инициировать данный вопрос.

Указанное полномочие и порядок его реализации первоначально были конкретизированы Федеральным законом от 23 июня 1995 года № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению мира и безопасности»²⁰, которым, в частности:

— охватывались отношения по использованию Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации в контексте обязательств Российской Федерации по Уставу ООН и другим международным договорам (ст. 2, 5);

— предусматривалось предоставление военного и гражданского персонала для участия в миротворческой деятельности и воинских формирований Вооруженных Сил РФ для участия в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил;

— определялось, что решение в том и другом случае принимается Президентом РФ на основе постановления Совета Федерации по предложению Президента, которое должно включать сведения о районе действия указанных воинских формирований, об их задачах, общей численности, о типе и составе вооружений, подчиненности, сроке пребывания или порядке его продления, порядке замены и об условиях вывода, а также об устанавливаемых в соответствии с федеральными законами дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим указанных воинских формирований и членам их семей (ст. 7, 10);

— предусматривались специальные меры по подготовке, обучению и оснащению воинских формирований, а также выделение отдельной статьей средств в федеральном бюджете на осуществление этой миссии (ст. 13–15);

— вменялось в обязанность Правительству РФ ежегодно представлять в Совет Федерации и Государственную Думу доклад об участии Российской Федерации в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности (ст. 16).

С учетом названных законоположений Совет Федерации санкционировал использование воинских формирований Вооруженных Сил РФ в Косово (постановление от 25 июня 1999 года № 262-СФ²¹), Республике Судан (постановление от 27 декабря 2005 года № 455-СФ²²), Республике Чад и Центральноафриканской Республике (постановление от 25 августа 2008 года № 299-СФ²³). Во всех случаях определялись численность военнослужащих, вооружение и сроки участия в операции.

На основе сказанного можно было бы предположить, что Конституция РФ увязывает возможность ограниченного использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации только с выполнением Российской Федерацией международных обязательств и что другие случаи исключаются. Это согласуется с иными уста-

новлениями Конституции о том, что Россия — часть мирового сообщества (преамбула), правовое демократическое государство (ч. 1 ст. 1), признающее общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры составной частью своей правовой системы (ч. 4 ст. 15).

Вместе с тем последующее правовое регулирование и складывающаяся практика расширили представления о возможностях использования формирований Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации. В частности, Федеральным законом от 9 ноября 2009 года № 252-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обороне”»²⁴ Президенту РФ было предоставлено полномочие на основе соответствующего постановления Совета Федерации принимать решение об оперативном использовании формирований Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации в целях отражения вооруженного нападения на формирования Вооруженных Сил РФ, другие войска или органы, дислоцированные за пределами территории Российской Федерации; отражения или предотвращения вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой; защиты граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них; борьбы с пиратством и обеспечения безопасности судоходства²⁵. При этом на Президента РФ возлагалась обязанность определять общую численность формирований Вооруженных Сил РФ, районы их действий, стоящие перед ними задачи и срок использования данных формирований; он же или по его поручению Министерство обороны РФ могут принять решение об их досрочном отзыве. Схожие положения по использованию Вооруженных Сил РФ для пресечения международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации содержит Федеральный закон от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму»²⁶ (ст. 10).

В связи с событиями в Украине Президент РФ, основываясь на Конституции РФ (п. «г» ч. 1 ст. 102), 1 марта 2014 года внес обращение в Совет Федерации об использовании Вооруженных Сил РФ на территории Украины. Необходимость такого шага моти-

вировалась угрозой жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава воинского контингента Вооруженных Сил РФ, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым). В тот же день Совет Федерации единогласно (присутствовало 90 человек, или 54,2 процента от общего состава палаты), соглашаясь с доводами Президента РФ, принял постановление за № 48-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины»²⁷, которым санкционировалось право Президента «на использование Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране» (п. 1).

Принятое постановление²⁸, на мой взгляд:

— расширяло основания, предусмотренные федеральным законодательством, для использования Вооруженных Сил РФ за пределами Российской Федерации, предполагая, что это можно делать и для защиты не только граждан Российской Федерации, но и соотечественников²⁹;

— носило неопределенный характер с точки зрения:

а) территории, на которой предполагается использование формирований Вооруженных Сил РФ (Автономная Республика Крым, иные территории или территория Украины в целом?);

б) численности и видов используемых формирований Вооруженных Сил РФ, в том числе с учетом дислоцированных в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым);

в) задач, которые призваны решать формирования Вооруженных Сил РФ, находясь на территории Украины;

г) сроков использования формирований Вооруженных Сил РФ. Узвязка их только с фактом нормализации общественно-политической обстановки в Украине (с позиций кого и до какой степени?) явно расплывчата.

В последующем какая-либо официальная конкретизация названного постановления Совета Федерации в правоприменительном плане со стороны Президента РФ не наблюдалась. Как следствие, использование формирований Вооруженных Сил РФ на террито-

рии Украины происходило как-то скрытно, в широком диапазоне усмотрения. Это проявилось, в частности, в том, что право на использование данных формирований первоначально трактовалось как возможность, в последующем было реализовано (без ясных параметров проведенной операции) в пределах Крымского полуострова, а в дальнейшем до отмены соответствующего постановления Советом Федерации определялось как сохраняющаяся возможность для действия Вооруженных Сил РФ на других территориях Украины³⁰.

Ситуация, связанная с использованием формирований Вооруженных Сил РФ на территории Украины, отразила пробелы конституционно-правового регулирования соответствующих отношений. Полагаем, что в целях усиления контрольных полномочий Совета Федерации в рассматриваемой сфере, а также с учетом важности данных отношений было бы правильно: по основным параметрам унифицировать положения федерального законодательства об использовании Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации; исходить из того, что Совет Федерации, решая вопрос о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации, принимает соответствующее постановление по каждому такому случаю; закрепить требования, которым должно отвечать постановление Совета Федерации, санкционирующее использование Вооруженных Сил РФ за пределами Российской Федерации; признать, что полномочие Совета Федерации решать вопрос о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации включает и правомочие палаты отменять принятое решение по данному вопросу не только по инициативе Президента РФ, но и при определенных обстоятельствах — по собственной инициативе; предусмотреть обязанность Президента РФ информировать Совет Федерации об использовании Вооруженных Сил РФ за пределами Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ как участник процедуры принятия Республики Крым в состав Российской Федерации

В процесс принятия Республики Крым в состав Российской Федерации был вовлечен и

Конституционный Суд РФ как орган, уполномоченный Федеральным конституционным законом «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации» осуществлять проверку конституционности международного договора, в соответствии с которым иностранное государство или его часть входит в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта. При этом данная проверка обязательна, происходит по запросу Президента РФ после подписания указанного договора и является необходимым условием для его ратификации, если международный договор признается Конституционным Судом соответствующим Конституции РФ (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 8).

Конституционный Суд РФ, впервые рассматривая подобное дело, предложил ряд новых подходов и позиций.

Первое, на что обращается внимание: запрос был рассмотрен в особой процедуре. Это проявилось в высокой оперативности (запрос о проверке Договора поступил в Суд вечером 18 марта, а решение было принято уже к обеду 19 марта), а также в признании того, что по данному делу излишни процедуры предварительного изучения обращения судьями и проведения слушания по делу. Такой подход мотивировался спецификой компетенции, связанной с законодательно установленной обязанностью Президента РФ, подписавшего названный международный договор (и, следовательно, по мнению Суда, исходящего из конституционности договора), направлять его для проверки на соответствие Конституции РФ в Конституционный Суд (Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 года № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов»).

Вместе с тем Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года «О Конституционном Суде Российской Федерации»³¹ (далее — Закон о Конституционном Суде РФ) устанавливает, что:

— основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конститу-

ции РФ не вступивший в силу международный договор (часть вторая ст. 36). Поэтому было бы правильно, на мой взгляд, исходить не из того, что Президент РФ, подписав международный договор, не усматривает в нем несоответствие Конституции РФ, а из того, что неопределенность в данном вопросе все же существует и Конституционный Суд призван ее устранить. И, напротив, если в данном случае нет неопределенности, то и нет основания для рассмотрения дела;

— обращение, поступившее в Конституционный Суд, проходит, в частности, стадии предварительного изучения обращения (она определяется Законом как обязательная) и его принятия к рассмотрению (ст. 41, 42). Какие-либо исключения не предусмотрены, причем даже в ситуации рассмотрения дела о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (в этом случае только предписывается Конституционному Суду дать заключение не позднее 10 дней после регистрации запроса) (часть вторая ст. 109);

— слушание дел в открытых заседаниях Конституционного Суда — общее правило конституционного судопроизводства, отвечающее принципам гласности и устности разбирательства (ст. 21, 31, 32, 54). Допускается при определенных условиях разрешение дел без проведения слушания, в порядке письменного судопроизводства (ст. 47.1) и назначение закрытого заседания (с участием сторон и других участников процесса) в случаях, когда это необходимо для сохранения охраняемой законом тайны, обеспечения безопасности граждан, защиты общественной нравственности (ст. 55). «Крымское дело» по своим параметрам не могло рассматриваться в порядке статьи 47.1; Суд не назначал по этому делу закрытое заседание. Получается, что фактически рассмотрение данного дела состоялось в процедуре, неизвестной Закону о Конституционном Суде РФ.

Специфика проверки конституционности указанного вида международного договора, надо признать, есть, но не в такой степени, чтобы трансформировать основополагающие принципы и формы конституционного судопроизводства, применяемые к процедуре разрешения дела о соответствии Конститу-

ции РФ не вступивших в силу международных договоров (п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции, ст. 88–91 Закона о Конституционном Суде РФ). Подобное было бы невозможно, если бы соблюдалось требование Закона о Конституционном Суде РФ по закреплению компетенции не иначе как путем внесения изменений в данный Закон (часть вторая ст. 3), что, по моему мнению, предполагает не только закрепление нового полномочия, но и особенностей процедуры его осуществления³². Пока же названная норма Закона, к сожалению, не исполняется и, соответственно, сохраняются условия для вынужденной импровизации со стороны Конституционного Суда при реализации полномочий, не получивших отражение в Законе о Конституционном Суде РФ.

Дискуссионными представляются и некоторые содержательные положения принятого Конституционным Судом постановления по «крымскому делу». В частности, Суд не усмотрел нарушений в том, что часть иностранного государства — город Севастополь по Договору принимается в состав Российской Федерации на правах города федерального значения (ст. 2), хотя Федеральный конституционный закон, регламентирующий данные отношения, исключает подобное (ч. 4 ст. 4). Вместе с тем, «умалчивая» установления Закона, Конституционный Суд непосредственно ориентировался (что вполне допустимо) на нормы Конституции РФ о видах субъектов Федерации в составе Российской Федерации (ст. 5, 65, 66) и, по существу, признал (в скрытой форме) верховенство нератифицированного международного договора, вводящего новое правило, над нормой Федерального конституционного закона, принятого в соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 65). Эта ситуация порождает вопрос: не принятое во внимание Конституционным Судом положения указанного Закона сохраняют свое регулирующее значение, или прямое применение соответствующих норм Конституции означает, что Суд фактически считает не примененную им норму Закона неконституционной?

Конституционный Суд также признал соответствующим Конституции РФ положение Договора, которым государственными языками Республики Крым объявлялись русский, украинский и крымско-татарский языки (ч. 2

ст. 3). Конституция же относит данный вопрос к ведению республик и предоставляет только им право устанавливать свои государственные языки (ч. 2 ст. 68). Из этого, как ранее полагал Конституционный Суд, не вытекает обязанность республик устанавливать государственные языки (Постановление от 27 апреля 1998 года № 12-П³³). К тому же отнесение русского языка к государственному языку Республики Крым — избыточная норма, понижающая значение предписания о русском языке как государственном языке Российской Федерации на всей ее территории (ч. 1 ст. 68). Подтверждать данный статус на части территории России вряд ли необходимо³⁴.

Внимание общественности привлек и такой факт: комментируя постановление по «крымскому делу», Председатель Конституционного Суда РФ сообщил, что оно принято единогласно. Это, с одной стороны, нарушает прямой запрет Закона о Конституционном Суде РФ о недопустимости разглашать содержание дискуссии и результаты голосования в закрытом совещании (ч. 5 ст. 70), но, с другой стороны, может означать начало новой практики (складывающегося обычкновения, которое в дальнейшем будет узаконено) в понимании гласности и открытости деятельности Суда с позиций того, что гражданское общество вправе быть осведомленным об умонастроениях конституционных судей³⁵.

Определение статуса крымско-татарского народа в Российской Федерации

Присоединение к Российской Федерации Крыма сопровождается и присоединением его проблем. Одной из них — в конституционно-правовом, политическом плане — является проблема государственного устройства проживающих на данной территории татар. Для выработки правильного решения по названному вопросу нужно учитывать всю совокупность обстоятельств. К таковым относится, прежде всего, прошлое крымско-татарского народа. В частности, необходимо принимать во внимание, что:

— до прихода русских на полуостров Крым крымские татары имели свою государственность — независимое Крымское ханство (1443–1783) с особыми отношениями с Османской империей³⁶;

— после завоевания Крыма Россией Манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 года «О присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России»³⁷ крымским татарам было обещано «содержать их наравне с природными началами поданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободно отправление со всеми законными обрядами прибудет неприкосновенно; и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те прелести и преимущества, какими таковое в России пользуются»;

— в советский период крымские татары и иные народы, проживающие на полуострове Крым, обрели автономию в виде Крымской АССР в составе РСФСР (1921—1945)³⁸. При этом численность татар на тот момент составляла 26 процентов от 718 тыс. человек общего населения, и они уступали только русским (44 процента)³⁹. В 1944 году крымские татары были обвинены в сотрудничестве с нацистской Германией в период Великой Отечественной войны и депортированы из Крыма (191 тыс. человек). Их возвращение на исконную родину происходило в 1990-х годах в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года № 2013-1 «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»⁴⁰ и Законом Украины от 17 апреля 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине»⁴¹ с предоставлением жертвам этих репрессий ряда социальных, жилищно-коммунальных и других льгот⁴².

В постсоветский период, когда Украина обрела самостоятельность как суверенное государство, Конституция гарантировала:

— свободное развитие, использование и защиту русского, других языков национальных меньшинств Украины (ст. 10);

— развитие этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств Украины (ст. 11);

— равенство прав граждан — представителей всех национальностей (ст. 21);

— национальным меньшинствам право обучения на родном языке; изучения родного

языка в государственных и коммунальных заведениях или через национальные культурные общества (ст. 53)⁴³.

Официальный перечень коренных народов (как, например, в Канаде и в Российской Федерации применительно к коренным малочисленным народам) и национальных меньшинств (как, например, в Венгрии) в Украине не утверждался. Вместе с тем в публикациях крымско-татарский народ признавался как коренной народ⁴⁴. При этом, однако, специальное законодательство о таких народах отсутствовало, а их права гарантировались:

— Законом Украины от 25 июня 1992 года «О национальных меньшинствах в Украине»⁴⁵ (в том числе на национально-культурную автономию, на подготовку национальных кадров, использование языка национального меньшинства, сохранение среды обитания в местах их исторического и нынешнего расселения, создание национальных общественных объединений, финансовую поддержку);

— Рамочной конвенцией Совета Европы о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года (документ ратифицирован Украиной 9 декабря 1997 года)⁴⁶;

— Законом Украины от 12 декабря 2012 года «Об основах государственной языковой политики»⁴⁷ в части использования языков национальных меньшинств;

— законами Украины: от 17 января 2002 года «О высшем образовании»⁴⁸ и от 13 июня 1999 года «Об общем среднем образовании»⁴⁹ в части признания права получать образование на родном языке (включая крымско-татарский язык) в школах, сдавать выпускные экзамены.

В процессе оформления отношений, связанных с принятием Республики Крым в состав Российской Федерации, Верховная Рада Украины приняла постановление от 20 марта 2014 года № 1140-VII «О Заявлении Верховной Рады Украины по гарантиям прав крымско-татарского народа в составе Украинского государства»⁵⁰, которым Украина заявляет о том, что она:

— гарантирует сохранение и развитие этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности крымских татар как коренного народа;

— гарантирует защиту и реализацию неотъемлемого права на самоопределение крымско-татарского народа в составе суве-

ренного и независимого Украинского государства;

- признает Меджлис крымско-татарского народа, исполнительный орган Курултая крымско-татарского народа, и Курултай как высший представительный орган крымско-татарского народа;

- поддерживает Декларацию ООН о правах коренных народов;

- приступает к подготовке проектов законов и иных нормативных правовых актов, определяющих и закрепляющих статус крымско-татарского народа как коренного народа Украины.

В развитие данного постановления был принят Закон Украины от 17 апреля 2014 года «О восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку»⁵¹, в котором, с выделением крымско-татарского народа, определено, что государство:

- способствует добровольному возвращению в Украину депортированных лиц;

- признает статус депортированного лица за гражданами Украины и гарантирует таким лицам права на: юридическую помощь по вопросам депортации; сообщение в СМИ о восстановлении в правах (по желанию депортированного лица или родственников — в случае смерти депортированного); поселение в пределах тех административно-территориальных единиц, где они (или их родители, или дед или бабка) проживали на момент депортации; возмещение стоимости проезда и перевозки багажа к месту постоянного проживания в Украине; жилье (с постановкой на отдельный квартирный учет, предоставлением земельного участка и материальной помощи на завершение индивидуального строительства); возвращение зданий и другого имущества (если дом не занят, а имущество сохранилось), а в случае отсутствия такой возможности — на возмещение их стоимости; льготы в виде получения путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха, 50-процентной скидки на оплату жилой площади и коммунальных услуг, стоимости лекарств по рецепту, возможности на внеочередное устройство в учреждения социальной защиты населения.

Всеукраинская перепись населения 2001 года зафиксировала проживание в Крыму 243 тыс. крымских татар (или 12 процентов от общей численности населения полуострова). По этому показателю они находятся на

третьей позиции после русских (1180 тыс., или 58 процентов) и украинцев (492 тыс., или 24 процента)⁵². В ряде районов Республики (Бахчисарайском, Белогорском, Джанкойском, Кировском, Ленинском, Нижнегорском, Первомайском, Симферопольском и Советском) доля татар составляет от 21 до 29 процентов к общей численности населения.

В связи со сказанным возникает вопрос: каким может быть статус крымско-татарского народа в Российской Федерации? В упомянутом Обращении Президента РФ данная тема специально не поднималась, но подчеркивалось, что Крым «был и остается и русским, и украинским, и крымско-татарским», декларировалось установление трех равноправных государственных языков: русского, украинского и крымско-татарского, признавалось необходимым завершить процесс реабилитации крымско-татарского народа, принять решения, которые бы восстановили их права, доброе имя в полном объеме. Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 года народам, проживающим в Республике Крым, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, а крымско-татарский язык объявляется одним из государственных языков Республики (ст. 3). Последнее положение нашло отражение и в Федеральном конституционном законе от 21 марта 2014 года «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ч. 4 ст. 2).

Позиция крымских татар о том, каким они видят свой статус, сформулирована в постановлении VI Курултая от 29 марта 2014 года «О реализации крымско-татарским народом права на самоопределение на своей исторической территории — в Крыму»⁵³, из которого следует, что они претендуют на создание (восстановление) национально-территориальной автономии. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 года не отреагировала на подобные ожидания и не включает положения о правах крымско-татарского народа⁵⁴. Но она содержит такие общие нормы (об учете исто-

рических, национальных, культурных, иных особенностей Республики (ст. 6), о крымско-татарском языке как государственном языке и многообразии культур, которым гарантируется равноправное развитие (ст. 10), о равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности и языка (ст. 13), о праве каждого на национальную принадлежность, на родной язык (ст. 19)), которые в единстве с федеральным правовым регулированием могут составить конституционно-правовую основу для реализации права крымско-татарского народа на самоопределение в Российской Федерации.

Какие конституционно-правовые возможности в данном отношении имеются в Российской Федерации?

Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69 Конституции РФ). К указанным народам, согласно Федеральному закону от 30 апреля 1999 года «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»⁵⁵, относятся народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (п. 1 ст. 1). Приведенные характеристики говорят сами за себя: крымско-татарский народ не может быть включен в группу коренных малочисленных народов с предоставлением ему прав, которыми обладают в России названные народы.

Крымские татары находятся в ситуации национального меньшинства в Республике Крым. С учетом этого они теоретически способны воспользоваться возможностями Федерального закона от 17 июня 1995 года «О национально-культурной автономии»⁵⁶, гарантирующего подобным этническим сообществам право на создание автономии в форме местного или регионального объединения граждан, относящих себя к данному сообществу, с целью самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Однако крымские татары — коренной народ

Крымского полуострова, осознающий себя именно в этом качестве (как коренные малочисленные народы российского Севера). Следовательно, вряд ли их удовлетворит статус национальных меньшинств, национально-культурные автономии (объединения) которых законодательно исключены из политического процесса и получают финансовую и иную поддержку со стороны государства исключительно по его усмотрению⁵⁷.

Выше приводилась позиция Курултая относительно того, что крымские татары хотели бы иметь национально-территориальную автономию. Вероятно, под этим понимаются образования, подобные тем, которые были в СССР, — автономные республики, области и округа, или которые в настоящий момент есть в Италии, Испании и Финляндии⁵⁸. Однако в Российской Федерации такой вид автономии не предусмотрен: автономная область и автономные округа, названные в Конституции РФ (ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 65), в сущностном плане являются субъектами Российской Федерации, которые равноправны с иными субъектами Федерации (ч. 1, 4 ст. 5). Образование же в составе Российской Федерации нового субъекта любого вида, согласно Федеральному конституционному закону от 17 декабря 2001 года «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», может быть осуществлено только в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Федерации (ч. 1 ст. 5), причем исключительно по инициативе заинтересованных субъектов Российской Федерации в лице их органов государственной власти, направляющих соответствующие предложения Президенту РФ, санкционирующему процесс данного объединения (ст. 10). То есть из сказанного следует, что крымские татары, хотя по своим характеристикам и схожи с титульными народами, например, республик в составе Российской Федерации, юридически лишены возможности в порядке самоопределения образовать субъект Федерации путем его выделения из Крымской Республики.

Реализуемый и прагматичный подход к определению положения крымско-татарского народа в Республике Крым, на мой взгляд, мог бы заключаться в следующем:

— крымско-татарский народ признается в качестве одного из субъектообразующих,

коренных народов Республики Крым⁵⁹, что, отчасти, уже подтверждено закреплением крымско-татарского языка, наряду с русским и украинским, в качестве государственного языка Республики;

— особый статус крымско-татарского народа устанавливается специальным законом Республики Крым (его принятие согласуется с Конституцией РФ (п. «б», «м» ч. 1 ст. 72, ч. 2 ст. 76) и Федеральным законом от 6 октября 1999 года «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁶⁰ (ч. 2 ст. 26.3), при необходимости может быть подкреплено дополнительными федеральными нормами), которым данному народу гарантировались бы права: на создание в местах компактного проживания крымских татар национальных административно-территориальных единиц (подобное, например, предусматривают конституции Якутии (ст. 43) и Карелии (ч. 2 ст. 10) и Устав Красноярского края (ч. 6 ст. 32)); на представительство (посредством квот) в законодательном органе Республики и представительных органах местного самоуправления, возможно, с образованием в Государственном Совете квазипалаты крымско-татарского народа (в данном отношении может использоваться опыт Ханты-Мансийского автономного округа, где в соответствии с Уставом округа (ст. 23, 27) в составе парламента функционирует Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера); на законодательную инициативу — через наделение таким правом Курултая и Меджлиса крымско-татарского народа; на участие в принятии решений, затрагивающих права и интересы крымских татар (например, через консультативно-совещательные органы, создаваемые из представителей этого народа при государственных и муниципальных органах власти); на этническое самоуправление — через признание Курултая и Меджлиса в качестве органов с соответствующими полномочиями, представляющих крымско-татарский народ; на сохранение и развитие национальной культуры, языка (на основе государственных целевых программ и поддержки национально-культурной автономии).

Государственно-правовое обустройство крымских татар в Российской Федерации дол-

жно совмещаться с решением их вопросов как репрессированного народа⁶¹ с позиций действующего федерального законодательства, в частности:

— Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов»⁶², которым пострадавшим народам гарантируется территориальная, политическая, социальная и культурная реабилитация, а также возмещение соответствующего ущерба. Этим Законом, например, могут воспользоваться крымские татары, проживающие в Центральной Азии (только в Узбекистане их 120 тысяч, и 90 процентов из них хотят вернуться в Крым⁶³);

— Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»⁶⁴, гарантирующего реабилитированным лицам — жертвам политических репрессий соответствующие права и компенсации;

— Федерального закона от 30 июня 2006 года «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» (на это было обращено особое внимание в Указе Президента РФ от 21 апреля 2014 года № 268), на основе которого, надо полагать, есть намерение решить вопрос (он актуален, в первую очередь, для татар) с регистрацией «самозахваченных» земель и возведенных на них строений.

Применение указанного законодательства должно, видимо, осуществляться с учетом того, что подобные нормы, о чем было сказано выше, действуют и в Украине, где крымско-татарскому народу как репрессированному народу и лицам, относящимся к нему, гарантировались (и гарантируются в настоящее время) определенные социально-экономические и иные права.

Ю. М. Батулин, размышляя о событиях 2014 года в Крыму и их последствиях, отмечал, в частности, что «ничто еще не закончено, пока своего слова не скажут юристы. А тут работы для них выше головы»⁶⁵. Проведенный нами анализ некоторых конституционно-правовых вопросов подтверждает правоту этих слов. Крымский прецедент, в той или иной степени меняющий строй правового мышления и устоявшихся представлений, будет раз-

личным образом проявляться не только в текущих отношениях, но и в отдаленной перспективе.

Кряжков Владимир Алексеевич – профессор кафедры конституционного и муниципального права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ.
vladimir-kryazhkov@yandex.ru

- ¹ При подготовке настоящей статьи использовалась нормативно-правовая база СПС «КонсультантПлюс».
- ² См.: Новая газета. 2014. 21 марта. С. 5.
- ³ См.: Российская газета. 2014. 19 марта.
- ⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 17. Ст. 1570.
- ⁵ См.: Там же. № 13. Ст. 1527.
- ⁶ См.: Там же. № 12. Ст. 1259.
- ⁷ См.: Там же. Ст. 1201.
- ⁸ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
- ⁹ См.: Действующее международное право: В 3 т. / Сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1996. Т. 1. С. 65–73.
- ¹⁰ В настоящей статье во всех случаях, когда приводятся положения Конституции Украины, во внимание принимается текст действующей Конституции, то есть Конституции 2004 года, восстановленной Верховной Радой 21 февраля 2014 года.
- ¹¹ Самоопределение как действие, совершенное вопреки этим установлениям, вряд ли можно наделять свойством конституционности, на чем иногда настаивают, ссылаясь на различные обстоятельства (см.: *Кабышев В. Т., Заметина Т. В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2014. № 2 (97). С. 58–74, 62), поскольку конституционность предполагает соответствие общественных отношений, актов и действий органов государства основному закону страны – конституции (см.: *Баглай М. В., Туманов В. А.* Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998. С. 205).
- ¹² См. подробно: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_\(2014\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_(2014)).

- ¹³ Подобное, к сожалению, находит обоснование под тем предлогом, что международное право не дает определения, при каких условиях проводимый в стране референдум о самоопределении является легитимным (см.: *Парламентская газета.* 2014. 16–22 мая. С. 8). Вместе с тем с позиций того, как достигается легитимность, интерес могут представлять сравнительные характеристики референдумов в Крыму и Шотландии (см.: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/03/uk-to-russia-crimea-isnt-scotland/284455/>; <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/03/07/crimea-is-not-scotland/>).
- ¹⁴ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/68/262 о территориальной целостности Украины. Принята 27 марта 2014 года (http://ru.wikipedia.org/wiki/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_68/262); Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы с осуждением России за позицию в Крыму. Принята 9 апреля 2014 года (<http://www.nowaygazeta.ru/news/1680605.html>).
- ¹⁵ См.: *Батурин Ю.* Цена решения // *Новая газета.* 2014. 31 марта. С. 9.
- ¹⁶ См.: *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации.* 1993. № 1.
- ¹⁷ Приведенные правовые позиции Конституционного Суда РФ достаточно универсальны. Это подтверждает судебная практика зарубежных государств. Например, Верховный суд Канады, рассматривая в 1998 году вопрос об отделении провинции Квебек от Канады, констатировал: этнос имеет право на самоопределение, если является колониальной или зависимой нацией в Канаде; правовым основанием отделения является воля народа (именно того, который ставит вопрос о самоопределении), выраженная в форме референдума; если большинство жителей Квебека сделает выбор в пользу отделения, то на федеральное правительство и другие провинции будет возложена обязанность вступить в переговоры с Квебеком с целью обеспечения интересов других провинций, федерального правительства, прав всех канадцев, как проживающих в пределах Квебека, так и вне его, и особенно прав меньшинств (см.: *Хабриева Т. Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. С. 54–58). Конституционный суд Испании, осуществляя проверку решения парламента автономной

области Каталония о признании ее «суверенным юридическим и политическим субъектом», пришел к выводу, что право граждан Каталонии самостоятельно решать свою судьбу не противоречит Конституции страны. Это положение «может быть интерпретировано как не ставящее вопрос о праве на самоопределение» (постановление от 25 марта 2014 года). Тем самым была поддержана позиция испанского правительства, оспаривавшего в Конституционном суде решение каталонского парламента, которое исходило из того, что вопросы суверенитета, согласно Конституции, решает весь испанский народ (см.: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1074325>).

¹⁸ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.

¹⁹ См.: Там же. 2000. № 25. Ст. 2728. Приведенная правовая позиция, с учетом принятия в состав Российской Федерации Республики Крым на основе Договора, видимо, должна корректироваться, поскольку Российская Федерация из конституционной трансформировалась в Федерацию с договорными началами (см.: *Станских С.* «Крымское дело» Конституционного Суда (<http://polit.ru/article/2014/03/23/crimea/>)).

²⁰ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 26. Ст. 2401.

²¹ См.: Там же. 1999. № 27. Ст. 3190.

²² См.: Там же. 2006. № 1. Ст. 27.

²³ См.: Там же. 2008. № 35. Ст. 3997.

²⁴ См.: Там же. 2009. № 45. Ст. 5270. Можно отметить, что это дополнение в Федеральный закон «Об обороне» было внесено после событий, связанных с участием формирований Вооруженных Сил РФ в грузино-осетинском конфликте в августе 2008 года в рамках операции (она осуществлялась без соответствующего решения Совета Федерации) по принуждению грузинской стороны к миру.

²⁵ Данное положение Закона было истолковано Советом Федерации как возможность санкционировать использование Вооруженных Сил РФ за пределами территорий Российской Федерации в подобных ситуациях путем принятия общего акта (см. его постановление от 16 декабря 2009 года № 456-СФ «Об оперативном использовании формирований Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 51. Ст. 6168), а не по каждому конкретному случаю. Такой подход, на мой взгляд, нивелирует уста-

новление Конституции РФ (п. «г» ч. 1 ст. 102) и принижает роль Совета Федерации как органа, призванного осуществлять контроль за использованием Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации.

²⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146. В последующем Совет Федерации, избавляя себя от принятия решений по каждому случаю использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации по основаниям, предусмотренным настоящим Законом, в порядке общей нормы постановлением от 7 июля 2006 года № 219-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения за пределами территории Российской Федерации в целях пресечения международной террористической деятельности» (см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 29. Ст. 3144) дал Президенту РФ карт-бланш по использованию Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации на период решения задач устранения соответствующей угрозы. Такое регулирование, как и в ситуации применения Федерального закона «Об обороне» в части использования Вооруженных Сил РФ за пределами территории Российской Федерации, также, на мой взгляд, следует признать сомнительным с точки зрения требований Конституции РФ (п. «г» ч. 1 ст. 102).

²⁷ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 9. Ст. 862.

²⁸ В настоящий момент оно утратило силу в связи с принятием Советом Федерации постановления от 25 июня 2014 года № 296-СФ «Об отмене постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 марта 2014 года № 48-СФ “Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины”» (см.: Российская газета. 2014. 26 июня).

²⁹ Нужно учитывать, что «соотечественники» — достаточно широкое понятие и защита их прав не увязывается с использованием Вооруженных Сил РФ (см.: Федеральный закон от 24 мая 1999 года «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670).

³⁰ См., например, ответы Президента РФ на вопросы, заданные ему на прямой линии: Новая газета. 2014. 18 апреля. С. 3.

- ³¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
- ³² Применительно к рассматриваемому случаю соответствующие обоснования возможных специальных правил производства в Конституционном Суде РФ приводятся в статье О. В. Брежнева «Особенности судебного конституционного контроля при принятии в состав России нового субъекта Российской Федерации» (Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 18–21).
- ³³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 18. Ст. 2063.
- ³⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма; Инфра-М, 2011. С. 528. Схожую позицию, с учетом опыта Татарстана, где в качестве государственных языков Республики установлены равноправные татарский и русский языки, занимает Ш. Ш. Ягудин — председатель Комитета Госсовета РТ по законодательству и правопорядку (см.: *Ягудин Ш. Ш.* Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 28–32, 31).
- ³⁵ Такой подход созвучен идеям Г. Кельзена, который применительно к конституционной юстиции предлагал «придать характер публичности и сошествиям коллегии судей» (см.: *Кельзен Г.* Судебная гарантия конституции (Конституционная юстиция. Ч. 2. Окончание) // Право и политика. 2006. № 9. С. 5–18, 15), а также сориентирован на практику некоторых европейских конституционных судов, например Федерального конституционного суда Германии, сенаты которого имеют законодательно установленную возможность в своих решениях сообщать о распределении поданных голосов (см.: Конституционный контроль в зарубежных странах: Учебное пособие / Отв. ред. В. В. Маклаков. М.: Норма, 2007. С. 268).
- ³⁶ См.: *Анисимов А.* Народ с трагической судьбой // Парламентская газета. 2014. 31 марта — 6 апреля. Данные отношения, отметим, сохраняются и в настоящее время, причем не только как исторически сложившиеся, но и потому, что на территории современной Турции проживает в 10 раз больше крымских татар, чем на полуострове (см.: *Ивженко Т.* России обещают «турецкие сюрпризы» в Крыму // Независимая газета. 2014. 25 марта. С. 6).
- ³⁷ См.: Парламентская газета. 2014. 31 марта — 6 апреля. Вкладка. Об отношениях с крымскими татарами до присоединения Крыма к России и после — в рамках политики его освоения см.: *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А. Я. Дегтярев. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 285–311; 368–391.
- ³⁸ Обратим внимание на то, что Конституции Крымской АССР 1921 и 1937 годов не придавали крымским татарам статус титульного народа, хотя использование татарского языка в надписях на гербе и флаге, при опубликовании законов и в судопроизводстве свидетельствовали об их особом положении в Республике. Вместе с тем советская государственно-правовая доктрина рассматривала автономию как форму волеизъявления нации или народности, а автономную республику — в качестве национальной государственности (см.: Советское государственное право / Под ред. А. И. Лепешкина. М.: Юридическая литература, 1971. С. 391; Советское государственное право / Под ред. С. С. Кравчука. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая литература, 1975. С. 394–395; Советское государственное право / Отв. ред. Е. И. Козлова. М.: Юридическая литература, 1983. С. 299–300).
- ³⁹ В этом и последующих случаях используются данные о составе населения Крыма, приведенные в Википедии (<https://ru.wikipedia.org/>).
- ⁴⁰ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 11. Ст. 302.
- ⁴¹ См.: Відомості Верховної Ради України. 1991. № 22. Ст. 262.
- ⁴² См.: Постановление Совета Министров УССР от 16 августа 1990 года № 192 «О первоочередных мерах по решению вопросов, связанных с возвращением крымских татар в Крымскую область» // Официальный электронный ресурс Верховной Рады Украины: <http://zakon4.gada.gov.ua/laws/card/192-90-п>; постановления Кабинета Министров Украины: от 27 октября 1999 года № 1991 «О ходе выполнения поручений Президента Украины и актов Кабинета Министров Украины по решению вопросов обустройства депортированных крымских татар и лиц других национальностей» // Официальный вестник Украины от 19.11.1999. № 44. С. 37, код акта 8753/1999; от 13 мая 2004 года № 626 «О мерах по удовлетворению социальных потребностей депортированных крымских татар и лиц других национальностей, которые вернулись в Украину на постоянное проживание» // Официальный вестник Украины от 28.05.2004. № 19.

- С. 109, ст. 1338, код акта 28866/2004; от 11 мая 2006 года № 637 «Об утверждении Программы расселения и обустройства депортированных крымских татар и лиц других национальностей, вернувшихся на проживание в Украину, их адаптации и интеграции в украинское общество на период до 2015 года» // Официальный вестник Украины от 31.05.2006. № 20. С. 55, ст. 1456, код акта 36287/2006.
- ⁴³ Схожие положения содержала и Конституция Украины 1996 года (ст. 10, 11, 24, 53).
- ⁴⁴ См.: *Петков С.* Коренные этносы Украины — неотъемлемая часть украинского народа (<http://publicsociety.com.ua/?p=3035>); Коренные народы Украины (<http://www.ua-reporter.com/povosti/146948>).
- ⁴⁵ См.: Відомості Верховної Ради України. 1992. № 36. Ст. 529.
- ⁴⁶ См.: Закон України «Про ратифікацію Рамкової конвенції Ради Європи про захист національних меншин» від 09.12.1997 № 703/97-ВР // Відомості Верховної Ради України. 1998. № 14. Ст. 56.
- ⁴⁷ См.: Голос України. № 146. 2012. 10 августа.
- ⁴⁸ См.: Там же. № 43. 2002. 5 марта.
- ⁴⁹ См.: Відомості Верховної Ради України. 1999. № 28. Ст. 230.
- ⁵⁰ См.: Голос України. № 55. 2014. 25 марта.
- ⁵¹ См.: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1225-18>.
- ⁵² В Обращении Президента РФ от 18 марта 2014 года назывались уже другие цифры. В частности, констатировалось, что из 2 миллионов 200 тысяч жителей Крымского полуострова — почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев и порядка 290—300 тысяч крымских татар.
- ⁵³ См.: <http://qtm.org/gu>.
- ⁵⁴ В этой связи можно констатировать непоследовательность парламента Крыма, поскольку в постановлении, принятом им месяцем раньше (11 марта 2014 года), о гарантиях восстановления прав крымско-татарского народа и его интеграции в крымское сообщество отмечалась необходимость «при утверждении новой Конституции Республики Крым предусмотреть следующие гарантии: придание крымско-татарскому языку статуса официального языка наравне с русским и украинским языками, гарантированное представительство крымских татар в районных и городских советах и других органах, признание органов национального самоуправления крымско-татарского народа — Курултая (общенационального съезда) крымско-татарского народа и формируемых им органов» (Парламент Крыма принял документ о гарантиях восстановления прав крымско-татарского народа (<http://itar-tass.com/mezhdunaropaya-panorama/1036477>)).
- ⁵⁵ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208.
- ⁵⁶ См.: Там же. 1996. № 25. Ст. 2965.
- ⁵⁷ Данное сомнение находит подтверждение в позиции отдельных татарских политиков, которые, реагируя на некоторые инициативы российских властей, заявляют: национально-культурной автономии крымско-татарский народ никогда не добивался (см.: <http://www.kommersant.ru/doc/2457770>).
- ⁵⁸ О характеристиках данных образований см.: *Хабриева Т.Я.* Указ. соч. С. 169—198; *Горбунов С.Н., Задорин М.Ю.* Коренные народы и устойчивое развитие: Монография. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 226—253.
- ⁵⁹ Можно отметить, что понятие «коренной народ» используется в Конституции Республики Саха (Якутия) (ст. 42, 44).
- ⁶⁰ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
- ⁶¹ На это обращает внимание Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 года № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержки их возрождения и развития» (см.: Российская газета. 2014. 23 апреля).
- ⁶² См: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.
- ⁶³ См.: *Ганнушкина С.* Как живет Крым: паспорта, банки, медицина, образование, настроения // Новая газета. 2014. 28 апреля. С. 11.
- ⁶⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428. Данный Закон, как отмечалось в Определении Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009 года № 135-О-П (Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 1), распространяется и на граждан Российской Федерации, которые были принудительно выселены с территории Крымской области (она была создана в 1945 году вместо упраздненной Крымской АССР. — *В.К.*), входящей в состав РСФСР до ноября 1954 года.
- ⁶⁵ *Батурин Ю.* Указ соч. С. 19.